

Эпистолярный Р. Г. Назирова*

В. В. Борисова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Значительной и интересной частью огромного архива уфимского ученого является его богатый эпистолярный, включающий в себя письма, многие из которых имеют значение научных, культурных, исторических и литературных артефактов. Р. Г. Назиров находился в переписке с целым рядом выдающихся ученых своего времени, среди которых — Г. М. Фридлендер, Г. А. Бялый, Б. О. Корман, Г. К. Щенников, В. А. Свительский, В. П. Скобелев и др.

И самое главное — эпистолярное наследие Р. Г. Назирова высвечивает масштаб его собственной личности как незаурядного исследователя и человека. В письмах отразилась его кипучая духовная жизнь, откровенно рассказано о проблемах, связанных с научным творчеством и работой в вузе, взаимоотношениями с коллегами и т. п. Будучи представленными как целостный «текст», они позволяют обнаружить показательные эпистолярные ситуации, связывающие в диалоге и автора, и адресатов. В этой связи особенно интересны встречные и ответные письма, совокупность которых позволяет реконструировать подчас драматические «сюжеты» жизни и творчества собеседников.

К сожалению, не вся назировская эпистолография носит такой «диалогический» характер, для ее восстановления необходимо привлечение писем его адресатов из их домашних архивов, что не всегда уже возможно. Не являясь частью общей переписки, отдельные авторские письма не дают полного представления об обсуждаемом предмете, они вполне понятны только на фоне смежных, ответных писем адресата, или в уже известном контексте. Особенно трудны для понимания ответные письма как реакция на встречные — при их отсутствии. К тому же смежными могут быть не только встречные и ответные письма, но и ряд последующих, их продолжающих. В идеале только совокупность писем позволяет разобраться в той или иной эпистолярной ситуации. В этом плане наиболее репрезентативной является переписка Р. Г. Назирова и Г. М. Фридлендера, еще ждущая достойного и скрупулезного комментария.

Отмеченные источниковедческие издержки в случае с эпистолярием Р. Г. Назирова отчасти компенсируются наличием черновых вариантов его писем к некоторым адресатам. В частности, это касается переписки не только с Г. М. Фридлендером, но и, например с Р. Н. Поддубной.

* Публикация выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 16–14–02008.

Многое в письмах Р. Г. Назирова заслуживает самого серьезного внимания с разных точек зрения. Естественно, не все содержание эпистолярия ученого сегодня можно представить публично из этических соображений. Поэтому его избирательный комментарий в данном случае неизбежен.

В данной публикации по объективным причинам будет представлен только фрагментарный комментарий отдельных назировских писем в том объеме, в каком он нам доступен и позволителен. Прежде всего имеется в виду наша переписка с Ромэном Гафановичем, являющаяся собой пример эпистолярного общения с Учителем. Как его воспитанница сознаю свой долг рассказать о том научном и нравственном влиянии, которое он оказал на своих многочисленных учеников, коллег и друзей. Поэтому эпистолярный анализ здесь сопрягается с мемуарным дискурсом.

Наша переписка началась с конца 1970-х годов, с аспирантских посланий из Воронежа, куда я отправилась с рекомендательными письмами Ромэна Гафановича к В. А. Свительскому и В. П. Скобелеву. Как всегда, репутация Назирова-учителя сыграла свою роль. Его имя открывало двери в научный мир.

В последующих письмах нашла отражение та работа, которая шла в начале 1990-х годов над коллективной монографией «Творчество Ф. М. Достоевского: искусство синтеза», инициированная Г. К. Щенниковым. Отвечая на мои письма уже из Павлодара в Уфу, Р. Г. Назиров мудро развернул меня в сторону поэтики в исследовании темы «Достоевский и Ислам», поощряя широкий, надконфессиональный подход к ней, в отличие от некоторых представителей современного «религиозного литературоведения».

Вообще, степень научного влияния Р. Г. Назирова даже на расстоянии, в рамках вынужденного эпистолярного общения, трудно переоценить. На протяжении многих лет он откликался на все вопросы по тем или иным поводам, писал рецензии на статьи, давал рекомендации, щедро делился своими идеями.

Желая быть ему полезной, в своих письмах я подробно описывала все посещенные конференции. Ромэн Гафанович с интересом воспринимал эти «отчеты», сожалея, что самому не всегда удавалось побывать на них.

Лейтмотивным не только в нашей переписке, но и в других эпистолярных текстах конца 1980-х и всех 1990-х годов был вопрос о защите докторской диссертации, которую Ромэн Гафанович оттягивал и откладывал. Иногда и я позволяла себе упреки в его адрес, сетуя по поводу чуть ли не ухода в «подполье». Однажды даже обидела его сравнением с «собакой на сене», поскольку не все свои научные изыскания Ромэн Гафанович отдавал в печать.

Вопрос о защите диссертации, судя по имеющимся письмам, задавали ему многие адресаты, тоже по-своему подталкивая и дружески сокруша-

ясь. Ромэн Гафанович же отвечал уклончиво, ссылаясь на ряд причин и обстоятельств, среди которых были и кафедральные интриги, и нежелание идти на поводу у некоторых рецензентов.

Был период, когда он в 1989 году даже хотел уйти с родной кафедры, сообщая, что «в БГУ очень многое идет плохо, много несправедливостей, много интриг, закулисных махинаций», и переживая из-за того, что «выживают, буквально преследуют, травят» Л. Г. Барага, тогдашнего заведующего кафедрой, выдающегося фольклориста.

Поразительна точность и предельная пронизательность суждений Назирова. Так, с сочувствием характеризуя Льва Григорьевича, он пишет, что тот «уже не в силах воевать с врагами. . . У него нет сил, он весь горит наукой, а разгребателем грязи, гладиатором административной бойни он быть уже не может. Я его жалею, но он и вправду уже сильно стар и не чувствует этого. Субъективно он еще рысак. Умрет на бегу» (из письма от 28 июня 1989 г.). Так через несколько лет и случилось. . .

Эта цитата показательна для стиля Назирова, всегда бесстрашно высказывающего свою позицию и демонстрирующего во всех создаваемых текстах литературное мастерство, способность к созданию индивидуально-авторских метафор, использованию емких, но энергичных синтаксических конструкций, афористических формулировок.

Эпистолярное мастерство здесь несомненно. Например, в письме от 28 июня 1985 года он пишет: «Такова жизнь. Зависишь от своего дела (1) и от личностей (2). В первом случае можно трудиться и доказывать себя, во втором — ничего не поделать: личности сменяются, или просто уходят, появляются другие, более нескладные». Другое, не менее показательное суждение о некоторых коллегах: «Изобретают оттенки мыслей, вместо того чтобы обнаруживать факты».

Отдельным сюжетом в переписке с Назириным стала эпопея моего возвращения на родину из казахстанской «ссылки». Этот сюжет важен не в личном плане, а как пример ответственности и даже самоотверженности по отношению к ученикам. Помогал Ромэн Гафанович не только мне. Так, в письме от 26 ноября 1993 года, откровенно описывая положение в уфимских вузах, тем не менее, он советует «переезжать не глядя»: «а потом мы вместе будем искать для вас работу, мобилизуем всех друзей, знакомых, будем думать». Даже спустя годы память о такой поддержке «пронзает». . .

Содержание и стилистические особенности назировских писем варьируются, что обусловлено разнообразием адресатов, к которым автор обращается по-разному во всех смыслах. Подчас отличаются и тематика, и тональность писем.

Так, например, переписка с Р. Н. Поддубной, начавшаяся в 1971 году, носит достаточно академический характер, хотя со временем она приобретает все более дружеский характер. Видно, что в письмах продолжается обсуждение исследовательских проблем, начатое при встречах

на конференциях, или вызванное реакцией на свежие взаимные публикации, научные и культурные новости и т. д. Порадовавшись, например, выходу сборника статей о Достоевском под редакцией Г. К. Щенникова, Рита Никитична в одном из писем к Ромэну Гафановичу посетовала на то, что «не подошла к тематике и направленности издания, сориентированного на национальную самобытность Достоевского».

Из письма от 19 мая 1992 года видно, что ей очень хотелось принять участие в коллективной монографии. Из предложенных Ромэном Гафановичем тем, как она сама пишет, ей «ближе всего «сюжет Христа», разработкой которого она тогда глубоко занималась, полагая, что «все новаторство и глубина подхода Достоевского <к этому сюжету> открывается при сопоставлении с искусством нашего века». Прямо обозначая свою позицию, она раскрыла свое видение темы в общечеловеческом аспекте, подчеркивая, что специально «выискивать национально-русский колорит в художественной системе Достоевского не будет».

Из ответного письма Ромэна Гафановича явствует, что надежды на понимание оправдались, поскольку научные принципы обоих ученых во многом совпадали, особенно в отношении к русскому формализму и структурализму. Не случайно, Назиров в свое время чрезвычайно высоко оценил кандидатскую диссертацию Риты Никитичны «Художественная структура “Преступления и наказания” и тип романа Ф. М. Достоевского», которая по объему была практически равна его собственной, составляя 457 страниц. «Пафос научной точности» (выражение Ромэна Гафановича) их объединял: «Я Вам союзник, а не гувал», — написал Р. Г. Назиров в одном из первых писем к Р. Н. Поддубной.

Много сходного было у них и в отношении к Достоевскому, ставшему общим предметом в переписке. Так, 24 февраля 1979 г. Р. Н. Поддубная замечает, что его нельзя воспринимать как чисто «религиозного писателя с богословским оттенком».

И Ромэна Гафановича, и Риту Никитичну отличала острая проницательность и точность суждений. Так, в письме от 6 апреля 1980 года она пишет о Назирове, его недовольстве собой: «Субъективно я его понимаю, хотя объективно — по уровню его талантливости — знаю, убежденно знаю, что недовольство суть следствие авторской требовательности».

Сам Ромэн Гафанович в научном плане тоже ставил Риту Никитичну очень высоко. В черновых записях сохранились такие слова о ней: «Гениальная женщина», а в одном из писем, оценивая присланные статьи, откровенно заявил: «У Вас есть чему поучиться».

Во многом сходным было их профессиональное положение. Так, 6 февраля 1986 г. Рита Никитична пишет о «трех годах борьбы, ежедневной и нервной, с дураками и подлецами, стоящими во главе кафедры». Это нелицеприятная критика в духе Назирова!

Письма Р. Н. Поддубной, обращенные к нему, также свидетельствуют о ее искренней заинтересованности в научной карьере коллеги. По-

здравляя Ромэна Гафановича с новым, 1981-м, годом, она пишет: «Я уже говорила Вам, что заинтересована в Вашей защите шкурно, утилитарно, эгоистически, и Вам не остается ничего иного, как пойти навстречу этому страстному эгоизму, который уже с трудом удерживается в рамках разумного и грозит перерасти в откровенный сальеризм со всеми вытекающими из него последствиями. Надеюсь, что сроки защиты уже определены? Или надо убрать с дороги тов. К.? Так намекните. Сделаем! Всерьез, желаю самых больших успехов. И - кстати — поздравляю с ученицей и ее защитой» (речь идет о защите моей кандидатской диссертации в Ленинграде).

Судя по письмам, многолетнее общение было глубоким, творческим и интеллектуальным. Ромэн Гафанович, зная о пребывании Риты Никитичны в Познанском университете, просил ее найти работы современных исследователей в Польше, называя конкретных авторов и конкретные книги. На что она ответила: «Изданий на перечисленных Вами языках (я онемела внутренне от завистливого восхищения) в Познани нет» (из письма от 17 сентября 1974 г.).

Действительно, обычно сдержанная и даже немного суховатая Р. Н. Поддубная в письмах к Р. Г. Назирову не скрывает своего профессионального уважения и восхищения. Сокрушаясь из-за пропущенной возможности в 1974 году лично встретиться с ним в Харькове, она пишет: «Хотя, честно говоря, желание увидеть Вас во мне борется и соседствует со страхом, внушаемым Вашими тонкими и умными работами. Такое сочетание чувств отлично разрешилось бы, если бы привелось слышать и видеть Вас в беседе с людьми, Вам равными, но самой при том оставаться в статистах...». Очень знакомое состояние!

Конечно, отмеченные мемуарные и эпистолярные штрихи дорогого стоят, обогащая как личную научную биографию большого ученого, так и историю нашей науки.